

(ПП: идиома, используется для описания человека, которому не хватает настоящего таланта, но который полагается на силу других, чтобы запугивать слабых)

Куй У немного помолчал и сказал:

— Я не знал, что всё было так. Если бы знал, не дал бы тех двух лян серебра семье Цинь.

Цинь Хэ кивнул и спокойно ответил:

— Я понимаю. Сейчас я говорю это тебе не для того, чтобы ты что-то делал. Просто хочу, чтобы ты знал, какие у меня с семьёй Цинь настоящие отношения.

Что касается семьи Цинь, у самого Цинь Хэ к ним не было ни чувств, ни привязанности. А если говорить о предыдущем хозяине тела, которого он теперь заменяет, то между ними вообще всё было закончено. Да, семья вырастила оригинального Цинь Хэ, но в итоге они же и сгубили его. Цинь Хэ не собирался мстить от его имени, но и считать их родными больше не мог. Иначе что тогда делать с памятью того, кто умер? Пусть все эти обиды и несправедливость умрут вместе с прежним Цинь Хэ.

Куй У же хмуро ответил:

— Раз уж я это узнал, то просто так оставить не могу. К твоим отцу и матери я придираюсь не стану, всё же старшие. А вот с твоей младшей сестрой и тем предательским сынком из семьи Ли я разберусь. Этого так не оставлю.

Он мрачно подумал: а если бы тогда было поздно, если бы Цинь Хэ сгорел в горячке - что тогда? Это ведь мой фулан!

Куй У понятия не имел, что прежний Цинь Хэ действительно уже погиб. Что же до Ли Чанфу, этого подлеца - он посмел положить глаз на его фулана? Да у него, видно, жизнь слишком длинная, давно пора укоротить.

Цинь Хэ на миг опешил, а затем с головы до ног окинул Куй У настороженным взглядом. Увидев его мощное, крепкое телосложение, у него в груди сжалось тревожное предчувствие:

— С Ли Чанфу ты, конечно, можешь разобраться, это я не осуждаю... но вот с Цинь Пин как быть? Она всё же девушка... Ты же не собираешься даже женщин бить?

Если он и женщин не щадит, то вдруг и меня однажды ударит? Мысль эта вдруг сделала воздух ледяным. Цинь Хэ поднял глаза и сразу наткнулся на хмурый, явно недовольный взгляд Куй У.

— Ха, что значит «даже женщин»? — мрачно проворчал Куй У. — На севере города была такая

вторая сестра Лю, знаешь, чем промышляла? Была людоедкой - делала паровые булочки с человеческой! С таким, как ты, она бы одной рукой справилась. Когда власти её ловили, войскам полгорода пришлось поднять!

Булочки с человеческим мясом? Цинь Хэ сглотнул, побледнев. Это не из книги? Такое и правда бывает?

Но тут Куй У уже низко пробурчал:

— Мужик она или баба, мне всё равно. Но своего фулана я не бью.

Сказав это, он снова принялся за еду, большими глотками заглатывая кашу. Цинь Хэ с опаской покосился на него - видно было, что Куй У зол: даже к соленьям не прикасался, только хлебал кашу безостановочно.

Тогда Цинь Хэ аккуратно взял палочками немного солёных овощей, положил в чашку Куй У и лгливо улыбнулся:

— Поешь солёного.

Как ни крути, но ведь Куй У всё это делал, чтобы заступиться за него, а он ещё осмелился сомневаться в нём, это было неправильно. Сейчас первым делом нужно было успокоить его, признать неправоту и это более чем справедливо.

Куй У искоса на него взглянул и съел подложенные соленья. Это ведь его супруг, а не какой-нибудь прохожий с улицы, не станешь же его бить, вот и всё, что остаётся.

После еды Куй У прогнал Цинь Хэ в сторону и сам взялся за чашки. Он налил воды и начал мыть посуду.

— Мыть посуду тебе больше не нужно, — сказал он твёрдо. — Особенно зимой. У тебя кожа нежная, попадёт вода, обдует ветром - сразу потрескается, будет болеть. У меня кожа грубая, мне не страшно.

Казалось бы, это сущая мелочь - просто не дать человеку мыть посуду. Но Цинь Хэ почувствовал тёплую волну в сердце. Ведь Куй У - тот, с кем ему жить всю жизнь. А тот, кто бережёт, кто думает о тебе, несомненно, лучше того, кому на тебя плевать. Конечно, он тоже будет заботиться о нём.

Когда Куй У закончил мыть посуду и вытер руки, то снова завернул Цинь Хэ в свою ватную куртку, а сам надел другую, куда более грубую стёганку, набитую смесью соломы и хлопка. Такая одежда, конечно, грела хуже, чем чисто хлопковая, но стоило ему вспомнить, что его тёплая куртка сейчас на плечах его фулана, как он тут же переставал ощущать холод.

Во времена династии Юнци утренняя трапеза приходилась на час Чэн (примерно 7–9 утра), поэтому, когда они закончили завтрак и вышли на улицу, там уже было полно людей.

Город Дишуй хоть и не был столь же процветающим, как столица, но в нём проживало около семидесяти-восемидесяти тысяч человек. Куй У жил во внешнем городе, кроме которого существовал и внутренний - более развитый и оживлённый, с множеством лавок и магазинов на каждом углу. Резиденция Канцзин-вана располагалась на северо-западе внутреннего города.

Пройдя от дома десяток с лишним шагов на север, они вышли на улицу Бэйцзяо, самую оживлённую в северной части города. По дороге Цинь Хэ увидел множество как знакомых, так и непривычных лавок. Например, пельменная семьи Ли, магазин мясных шариков семьи Чжан, ресторан семьи Цао - всё это казалось обычным, подобное встречалось и на базе в мире после апокалипсиса. А вот чем дальше на запад, тем более необычные места встречались, например, магазин по продаже соколов. Там торговали соколами, охотничьими птицами и собаками. Некоторые знатные особы или же варвары с севера обожали устраивать соколиные бои и покупали птиц именно здесь. В этом магазине можно было купить как обычных собак, так и свирепых, но чрезвычайно преданных и разумных охотничьих псов.

Продолжая идти вперёд, они подошли к небольшой лавке под названием «Ши Лоу», там продавали всякую мелкую домашнюю утварь. За ней шли несколько подряд медицинских заведений: «Семья Хао и их рецепты для лечения переломов», по слухам, династия потомственных костоправов с вековой историей. Далее «Пилюли Ду Шэн от семьи Чэнь» и «Аптека Чжао из Шаншуй», знаменитая на весь город и за его пределами своими лекарствами для лечения болезней рта, зубов и горла. По словам самих владельцев, даже знатные особы из резиденции вана во внутреннем городе пользуются их средствами. Там же находились и «Семейная детская клиника», и «Акушерская клиника семьи Фэн», а также всевозможные лавки с благовониями и лекарственными травами...

Если идти по улице Бэйцзяо дальше на запад, то можно попасть на улицу Люси, где было куда больше закусочных и ресторанов - крупные рестораны, чайные дома семейного типа, а между ними вперемежку угольные лавки.

Пусть внешний город и не сравнится по оживлённости с внутренним, но ряды магазинов, тянущиеся одна за другой, всё равно ослепляли взгляд Цинь Хэ. Эта живая, пёстрая атмосфера рынка - то, чего в его мире после апокалипсиса не было. Пусть и в базах будущего существовали торговые ряды, но в них царил подавляющая обстановка - всё было словно в агонии, под лозунгом "пей сегодня, ибо завтра мы умрём". А здесь чувствовался расцвет жизни и надежда. Цинь Хэ нравилась эта суэта, она давала ощущение, что жизнь стоит того, чтобы жить.

Когда они подошли к ресторану семьи Мэй, Цинь Хэ буквально не смог сдвинуться с места. Перед этим рестораном семьи Мэй на открытом воздухе стояла вереница уличных закусочных. На одном из прилавков жарили и продавали колбаски из овечьих кишок, поджаренные до румяной золотистой корочки, сверху лишь слегка посыпанные солью и перцем, но аромат от них разносился, казалось, на десятки ли.

Не только Цинь Хэ, но и многие дети, проходя мимо, останавливались, не в силах оторваться, и начинали визжать и тянуть родителей за рукав, чтобы те купили им порцию. Цинь Хэ, правда, ни криков, ни истерик не устраивал, просто ноги у него, похоже, подломились и отказывались идти дальше, будто приросли к земле.

- Хочешь попробовать? — с улыбкой в глазах спросил Куй У. — Я схожу куплю.

Он встал в длинную очередь. Старик, который жарил эти самые колбаски, работал быстро, одна сковорода готовилась за другой, а женщина рядом ловко накладывала еду: один взмах лопаткой и порция готова. Не прошло и половины чашки чая, как очередь дошла до них.

- Одну порцию колбасок, здесь будем есть, — сказал Куй У.

Тут же в грубую фарфоровую тарелку выложили аппетитную порцию.

- Пятнадцать вэней, — громко крикнул хозяин.

Куй У расплатился, взял тарелку и вывел Цинь Хэ из очереди. Они подошли к одному из уличных столиков и сели. Напротив уже сидела женщина в ватном пальто с ребёнком лет семи-восьми. Из-за большого количества людей свободных мест не было, пришлось подсесть к ним.

Цинь Хэ сразу же набрал палочками кусочки колбасок и жадно начал жевать:

— Вкусно!

Как только первая порция исчезла у него во рту, он не почувствовал насыщения, наоборот, проголодался ещё больше. Словно утренняя каша и варёное яйцо вовсе не попадали в желудок.

— Ты тоже попробуй, — сказал он, протягивая палочки Куй У.

Такое блюдо стоило немало - пятнадцать вэней за порцию. А ведь тридцати вэней хватило бы, чтобы купить целый доу риса, которого одному человеку бы хватило на десять дней. Это блюдо было скорее для удовольствия, а не для насыщения. Куй У специально купил только одну порцию просто, чтобы Цинь Хэ поразился. Всё это Цинь Хэ прекрасно понимал, и именно поэтому не мог позволить себе есть один.

Это был первый раз, когда его маленький фулан предложил ему поесть, и Куй У, конечно, не мог отказать. Но он не стал доедать всю порцию, лишь откусил один кусочек и отложил.

— Ешь сам, — сказал Куй У. — Раньше я часто ел. Каждый раз, как возвращался из поездки, обязательно покупал у него одну порцию.

— Хе, нищие! - женщина, сидевшая напротив, усмехнулась с презрением. Увидев, как они делят одну порцию и ещё вдобавок по очереди откусывают от одного и того же куска, она скривилась с отвращением: — Просто гадость. Эр-лан, ешь быстрее, не смотри. Глядя на них и аппетит пропадает.

Она даже прикрыла ребёнку глаза рукой, словно перед ними была не пара обычных людей, а нечто грязное и отвратительное.

Куй У тут же разозлился. Его характер был не из мягких: он только сверкнул глазами, и женщина с мальчиком, что прятался за её рукой и украдкой поглядывал сквозь пальцы, тут же вздрогнули от страха. Не посмев остаться за одним столом, женщина резко встала, схватила ребёнка за руку и, не забыв прихватить наполовину съеденные колбаски, бросила:

— Пошли, дома поедим!

Цинь Хэ прищурился, провожая взглядом женщину, почти бегом уносящуюся прочь, и вдруг громко выкрикнул:

— Хозяин! Вон та тётка в тёмном ватнике украла вашу тарелку!

Хозяйка, в это время как раз раскладывавшая новые порции, тут же вскинула брови и вспыхнула:

— Какой это там паршивой девке вздумалось утащить у меня посуду! Да я ей сейчас руки поотрубая!

На самом деле та женщина вовсе не собиралась красть, просто была так напугана взглядом Куй У, что от страха растерялась и забыла, что держит в руке. А тут ещё крик Цинь Хэ, следом за ним злобный вопль хозяйки, и теперь уже пол-улицы уставилось на неё.

Женщина тут же вся залилась краской стыда, смущённая до глубины души. Да ещё и нечаянно слишком сильно сжала руку ребёнка, и тот вскрикнул:

— Мам, ты мне делаешь больно!

Он вырвался, и женщина наконец опомнилась. Поспешно отпустив сына, она развернулась и с тарелкой вернулась обратно.

— Я... я не хотела красть тарелку. Просто хотела отнести еду подальше, там, где посидеть можно, столиков у вас ведь и так нет.

Хозяйка улыбнулась, но ее глаза при этом оставались ледяными, и, прищурившись, ядовито

проговорила:

— А я уж было подумала, что такая прилично одетая госпожа на самом деле не из таких...
Пустяки, просто недоразумение.

— Да-да, всё недоразумение, — быстро подхватила женщина, не посмев уйти, но и подойти к столу Куй У с Цинь Хэ тоже не решилась. Так и стояла, пока её сын не доел, держа тарелку в руках.

А Цинь Хэ даже не придал инциденту особого значения. Когда он просматривал воспоминания прежнего владельца тела, то понял: Куй У во всем городе Дишуй известен своей зловещей репутацией. Может, и найдутся те, кто не знает его в лицо, но вот имя точно слышали все. Поэтому Цинь Хэ с лёгкой душой пользовался этой "силой тигра", за чьей спиной он теперь стоял. Именно ради этого он и хотел найти себе сильного спутника жизни.

В прежние времена на базе его частенько притесняли, а он не смел даже пискнуть в ответ. Он ведь обычный человек, никогда не знал, вдруг за обидчиком стоит кто-то с суперспособностями. А для таких "одарённых" раздавить простого всё равно что муху прихлопнуть. Чтобы выжить, надо было молчать и быть как мышь.

Но теперь, съев эту ароматную колбаску из баранины, Цинь Хэ вытер рот платочком и ощутил не только сытость, но и внутреннее удовлетворение. Не надо больше бояться, что его унизят или побьют, а даже если кто-то посмеет, он тоже сможет ответить. Это чувство было великолепным.

— Пошли? — весело сказал Цинь Хэ.

Куй У как-то странно покосился на своего фулана: после такой сцены, вместо того чтобы испортить себе настроение, тот, кажется, вообще стал ещё веселее.

Шуаньэры и женщины и правда странные существа!

Пройдя несколько шагов, они вдруг увидели лоток, где готовили бараньи потроха. Не раздумывая, Куй У сказал:

— Смотри, вот на этом лотке они варят вкуснейший бульон из баранины. Если в такую стужу выпить чашку этого супа, все тело согреется. Подожди, я куплю одну порцию.

Цинь Хэ поспешил опередить:

— Не надо, — он быстро ответил. — Я утром наелся, потом колбасок поел, уже не хочу.

Несмотря на эти слова взгляд его выдал: глаза у него горели так же, как у Куй У, когда тот смотрит на него, только один жаждал мяса, а другой - человека.

— Не бойся, ешь. Я люблю покруглее. Ночью... самое то. — последние слова Куй У пробормотал под нос, но Цинь Хэ всё равно понял. Тут же по лицу у него побежали тёмные полосы.

А тем временем в стороне за этой сценой наблюдала женщина, у которой от злости чуть искры не посыпались из глаз.

— Потаскушка! — процедила она сквозь зубы.

Эта женщина была из семьи Ли, родная сестра Ли Чанфу, ныне замужем за человеком из семьи Чжао.

— Ещё до свадьбы умудрился окрутить моего брата, довёл до того, что тот даже отказался от дочери самого юанвайлана*, всё ради него! И мало того, что сам к нему прилип, так ещё и ту его страшную сестру-химерицу хотел заодно притащить в дом. А сам, мелкая тварь, в итоге взял да и выскочил за другого! И как будто этого мало, теперь ещё и на улице без стыда и совести флиртует прилюдно!

(ПП: древний китайский официальный титул, первоначально обозначавший должность чиновника, не относящуюся к должности чжэнгуань. Позже термин «юаньвай» стал обозначать богатых землевладельцев или торговцев, а во времена династий Мин и Цин он стал титулом, который можно было приобрести за пожертвования)

<http://bllate.org/book/13598/1205818>